

Дмитрий Муравский

Блеск

Дмитрий Муравский

Блеск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20614188

ISBN 9785448305641

Аннотация

Начинающий фотограф Анна Шенкевич, пережив ряд карьерных неудач, ищет формулу успеха. Постепенно она понимает, что путь к славе невозможен без провокационных выходов и скандалов. Жажда признания, Анна решается на отчаянный шаг...

Содержание

1	5
2	18
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Блеск

Дмитрий Муравский

*Чтобы стать очень хорошим писателем, нужно
сперва стать очень плохим человеком.
Альдхельм Дюрр*

© Дмитрий Муравский, 2016

ISBN 978-5-4483-0564-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Она чувствовала, что выставка станет очередным провалом. Брови критиков принимали пугающие формы, иронически подскакивали и вновь падали вниз, нависая над сощурившимися глазами, журналисты перешёптывались, а мэтры искусства статно проходили мимо, оставляя позади себя шлейф холода. И только посетители, не посвящённые в тонкости визуальных искусств, находящиеся в галерее не ради эпатажа и пиара, а ради вдохновения и эмоций, казалось, одобрили новую выставку фотографий Анны Шенкевич.

А ведь за её плечами успеха было не так уж и много. Разве что тогда, на съемках в Марокко. Это был заказ одного из ведущих европейских домов моды. Несмотря на сильный ветер стояла невыносимая жара, в воздухе, как чайки, время от времени проносились запахи духов. Изгибаясь, словно йог, Анна снимала андрогинных юношей и хрупких моделей на фоне мятежного океана и мутного неба. Снимали в отеле, в одном из лучших номеров, с балкона которого открывался умопомрачительный вид на побережье. Вдали виднелись очертания скал, ещё дальше – медленно проплывающая яхта, похожая на отколовшийся кусок глетчера. Они были неотразимы: Софи, облокотившаяся на перила балкона и устремившая меланхоличный взгляд в закатный океанский простор сквозь водолазную маску, Николь с корот-

ко подстриженными волосами цвета фуксии озабоченно разглядывающая настольный глобус, Жанна (в недалёком прошлом – Жан), с особым изяществом прикрывающая обнажённые груди шёлковым веером, и конечно Эрнест, развесёлый подтянутый Эрнест, в ярко-синем вельветовом костюме и с густо покрашенными чёрными губами, держащий на руках белого пуделя.

Фотографии вызвали ажиотаж. Анну признали восходящей звездой фотоиндустрии, её технику – прорывом в так называемой mood photography¹. Затем – работа в женских журналах и тернистый путь к первой парижской выставке. Представлены были работы, сделанные, в основном, за время месячного пребывания Анны в Таиланде. Как-то ей в руки попался путеводитель с дивными фотографиями этого курорта: в сущности, ничего нового, кроме примелькавшейся экзотики. Поразительными в них были не пейзажи, сами по себе достаточно примитивные, а световые нюансы, схваченные искусным фотографом: угрюмые переливы волн, мерцающая глубь бассейна, мягкое полыхание свечей среди статуй храма. Очарованная снимками, Анна сформулировала магистральную максиму своего творчества: секрет не в том, как снимать, а где. Таиланд подарил ей серию нестандартных кадров и, кроме того, нестандартную любовь – нью-йоркского художника Чарли Глента

---

¹ «атмосферная фотография» (англ.).

(чья страсть – портреты тайландских шимейлов² ню), разместившегося в том же отеле, что и она. Встреча изменила жизни обоих. Купидон выстрелил в самое яблочко. Курортный роман, овеянный атмосферой творчества (Чарли рисовал своих гермафродитов, Анна фотографировала природу островов), был обречён на продолжение. Прощаясь, они пообещали друг другу встретиться вновь в ближайшем будущем. И если коллекция картин Чарли стала триумфов, то фотографии Анны Шенкевич были раскритикованы в пух и прах. Журнал «Smart Art» назвал их «ультрапресными иллюстрациями для туристического буклета». Известный фотограф Оноре Пиво, разместив на своей странице в Facebook несколько свежих работ Анны, прибавил следующий комментарий: «Мы ожидали большего».

Анна сходила с ума. Чтобы утешить её, Чарли на две недели приехал погостить в Париж. Его взору предстала разбитая, разочаровавшаяся во всём девушка. Две недели пролетели в один момент. Они гуляли по Тюильри, ели мороженое, слушали бродячих музыкантов, по вечерам наведывались в Латинский квартал и занимались любовью. Все невзгоды остались далеко позади. Анна боялась спугнуть счастье.

– Chérie³, не отчаивайся, – говорил лежащий рядом с Анной Чарли, поглаживая её волосы. В окне спальни, словно

---

² Люди, обладающие наружными половыми признаками обоих полов (от англ. she-male).

³ «Дорогая» (фр.).

в камине, полыхал закат. – У тебя всё ещё впереди. Куда спешить?

– У меня есть ты. И это главное.

Незавидная участь постигла и следующую выставку Анны под названием «Tableaux vivants»⁴. Фотографии состояли из двух частей: на одной изображалась сама картина-оригинал, на другой – её инсценировка. Шаржированию подверглись работы мастеров самых разных культур и эпох: от Боттичелли до Уорхола, от Репина до Хасигути Гоё. Труднее всего поддавались имитации произведения русских художников. Изображённые ими лица передавали эмоции, уловимые лишь наиболее тонкими натурами: ярость, разведённая любовью, агапэ⁵, оттенённая отчаянием, призрение, обрамлённое страхом. Анна с головой ушла в искусство. Сколько времени, сколько сил ушло на то, чтобы подобрать натурщиков с подходящими пропорциями и похожими чертами лица, чтобы изготовить идентичную одежду, отрегулировать освещение, создать околдовывающие декорации, переносящие зрителя в неопределённую сферу между миром фотографий и миром живописи. И всё насмарку. Восторженный отзыв выставка получила лишь от одного искусствоведческого журнала, признавшего проделанную работу

---

⁴ «Живые картины» (фр.) – вид мини-спектакля, композиции из живых людей, копирующие посредством поз, мимики, одежды и декора известные произведения искусства.

⁵ (от греч. agape) любовь к ближнему.

«новаторским подходом к забытому виду творчества». В целом же, цикл «живых картин», вопреки всем ожиданиям Анны, остался незамеченным. Мир вокруг снова потускнел. Но самое страшное случилось позже...

– Чудесно, это чудесно!

Мужской голос, прозвучавший где-то за спиной, не сразу вернул погружившуюся в воспоминания Анну к действительности. Когда же она поняла, что обращение было адресовано ей, то плавно обернулась. Взору предстал среднего роста мужчина с арабской внешностью (орлиный нос, тучные брови), облачённый в светлый костюм и белую гутру⁶, явно свидетельствующую о принадлежности оного к эмиратским миллиардерам.

– Простите?

– Ваши фотографии... Они ведь чудесны.

– Вам правда понравилось?

– Безусловно, безусловно.

Он подошёл ближе к вывешенным снимкам, потирая рукой небритый подбородок.

– Сколько стиля, сколько блеска. В них есть нечто, – он сделал паузу, подыскивая слово, – недосказанное.

– Фотографии всегда молчат. В этом их прелесть.

– Согласен. И всё же ваши особенные.

– Благодарю.

Анна улыбнулась и перевела взгляд на свой бокал шам-

---

⁶ Мужской головной убор в виде платка у арабов.

панского. Ну конечно. Она не раз видела это загорелое довольное лицо на страницах журнала «Forbs». Джази-аль-Хилиль – нефтяной магнат, коллекционер, почитатель европейского искусства. Без его участия не проходил ни один крупный аукцион. Второй женой шейха стала английская актриса, замеченная им на скачках в Йорке, о чём ещё недавно трубили все СМИ (один журнал даже разместил фотографию знаменитости на обложке с подписью «Qualis artifex pereo!⁷»).

Аль-Халиль продолжал прохаживаться взад-вперёд, с серьёзной миной разглядывая работы Анны. Время от времени он задавал вопросы:

- Что за девушка на этой фотографии?
- Это не девушка.
- А это где, в Париже?
- Дижон.

Порой он что-то шептал себе под нос на родном языке, после чего глаза его вдруг прояснялись, а некая инертность, ощущаемая в всём его облике, тут же исчезала. Чем дольше Анна наблюдала за ним, тем сильнее разрасталось в ней чувство гадливости. Собственно, оно пробуждалось в ней каждый раз, когда ей приходилось сталкиваться с представителями чуждых рас. В особенности это касалось арабов, кривоносых, волосатых арабов с густыми бородами и оттопы-

---

⁷ «Какой артист погибает» (лат.). Эти слова перед смертью повторял император Нерон.

ренными ушами. Так, по крайней мере, выглядели те двое, подорвавшие себя в крупном нью-йоркском торговом центре. Число погибших составило сто двадцать пять человек. Среди них был Чарли Глент.

От праздного любования шейха отвлёк телефонный звонок. После короткого разговора (увы, на арабском), аль-Халиль подошёл к Анне, которая чуть не задохнулась от тяжёлого запаха мужских духов.

– К сожалению, я должен идти. Вы не желаете продолжить наш разговор после выставки? У меня есть для вас интересное предложение.

– Предложение? О чём вы?

– Давайте всё обсудим тет-а-тет. Я буду ждать вас в «Epicure»⁸ в девять.

И не успела Анна сказать что-либо в ответ, как шустрый шейх скрылся из виду. Девушка оглянулась по сторонам. Всё вокруг происходило будто в замедленной съёмке. Жена одного скандального политика, чьё жухлое лицо после бесчисленных пластических операций утратило всякое человеческое подобие, вольготно прохаживалась со своей кликой среди скульптур в западном крыле выставочного центра. В соседней секции пряткая журналистка брала интервью у трансгендерной модели, музе многих парижских деятелей искусства (одна из инсталляций была посвящена ей), которая оживлённо излагала свою путанную биографию в духе

---

⁸ Элитный парижский ресторан.

Орландо⁹ и без конца поправляла ещё боле путанную причёску. Важная дама, поглаживая бриллиантовой рукой сидящего на руках терьера, подошла к фотографиям Анны и озадаченно бродила возле стендов. Голова Анны закружилась. Будто во сне, она слышала детский смех вдали, чей-то кашель, неприятный стук каблуков. В висках пульсировала тупая боль. Предложение? Не ищет ли он себе третью жену?

– Простите, – гнусавым голосом обратилась к Анне дама с терьером. – Можно узнать, что это за направление? Сюрреализм?

Анна посмотрела на женщину невидящими глазами.

– Или нет... Магический реализм?

Где-то она читала, что эти арабские толстосумы любят поохотиться за красивыми европейками. Ей привиделись грубые мохнатые руки, тянущиеся из темноты. Мерзость. Анна поморщилась и приложила ладонью ко лбу.

– Девушка, вам нехорошо? – испуганно спросила всё та же дама. Её лицо вдруг стало невероятно похожим на удивлённую мордашку терьера. – Вы бледная. Может, лучше присесть?

– Нет, нет, всё в норме... Постмодернизм.

– Как вы смотрите на то, чтобы какое-то время побыть частным фотографом моей семьи?

---

⁹ Так зовут главного героя в одноимённом романе Вирджинии Вульф, который из юноши превращается в существо женского пола.

Аль-Халиль прокашлялся и сделал хороший глоток белого вина. Они сидели за столиком на открытой террасе ресторана, окружённые мерцанием огней и женских драгоценностей. На вечернем небе горела брошь луны. Анна, ещё не опомнившись после выставки, рассеяно ковыряла серебряной ложкой в многоэтажном десерте. На душе было мутно. Поднеся бокал к лицу, она увидела своё искривлённое отражение («Крик» Мунка, не иначе) и вновь глянула на раскрасневшегося от вина визави.

– Вы предлагаете мне ехать в Эмираты?

Он кивнул и просиял улыбкой.

– Верно. Вы будете жить на вилле в кругу моей семьи. Не волнуйтесь, места там предостаточно. Это будет своего рода фотодневник.

– Фотодневник?

– Именно. Или семейная сага в фотографиях. Зовите, как хотите. Вам достанется роль летописца нашей жизни. Время бежит, мы медленно, но верно разрушаемся, а наши следы на песке сотрёт уже первый прибой. Но никто и ничто не тронет следы, оставленные в искусстве. К сожалению, поэтической жилки у меня нет. Но есть средства. Поэтому я обращаюсь к вам.

Шейх откусил аппетитный кусок от Индостана пирога.

– Просто фотографировать ваши будничные дела?

– Не просто, а так, как это умеете делать вы, превращая каждую мелочь в искусство, в эстетику, – его рука проделала

витиеватый магический жест. – Да что там, вы знаете лучше меня, что фотографировать и как. Вам и карты в руки.

– И что дальше?

– А дальше – выставка в Париже, успех, аплодисменты. Вы ничего не теряете. Скорее наоборот. Хорошая возможность заявить о себе.

– Предположим.

– Разумеется, вам не следует переживать за расходы. Этот вопрос я беру на себя. Ваша задача – сотворить шедевр.

– Но нужно будет перевезти аппаратуру для съёмок.

– Сделаем.

– А ваши родные? Они согласны? Ведь мне придётся буквально ходить по пятам.

– Конечно, они согласны. Кто же не хочет стать произведением искусства!

Шейх засмеялся, в ответ Анна выдала дежурную улыбку. О да, у богатых свои причуды. Не стоит задавать лишних вопросов. Главное, что за свою работу она получит весьма щедрое вознаграждение. По её спине пробежал холодок. Но вместо того, чтобы безоговорочно принять фантастическое предложение, Анна сказала, что ей нужно немного подумать.

– Хорошо, – и аль-Халиль, явно не ожидавший такого ответа, сплёл пальцы рук в замок, поднеся их к лицу, – но прошу не затягивать с решением. Ваши работы меня покорили, скажу честно. Мне бы не хотелось искать другого фотографа.

Хотя, поверьте, желающих оказаться на вашем месте найдется много.

– Сколько вы пробудите в Париже?

– Пару дней, – шейх отёр губы салфеткой. – Думайте.

По пути домой его голос продолжал звучать в голове Анны. Темноволосая ночь была наполнена массой огней. Город бурлил. Блики света карнавалено струились по тёмным водам Сены. Уличные фонари колобродили вместе с проходящими мимо гуляками. Дома Анну встретила пустая, нежилая квартира. Свет разбудил уже видевшую сны мебель. После душа девушка, завернувшись в халат и пройдя в спальню, взяла с полки большой блокнот в кожаном переплёте, который она называла «письмовник». Дорогая сердцу тетрадь, сборник радостей, слёз и доносящихся из прошлого эх. Сколько писем она написала со дня его смерти? Двадцать, пятьдесят, сто? Письма, которые никогда и никем не будут прочитаны. Письма, которым не суждено достичь своего адресата, – Чарли Глента. В них Анна писала всё то, что не успела сказать ему при жизни, всё, что она могла бы сказать, будь он рядом. Анна взяла ручку, раскрыла девственно чистый лист тетради и....

Помнишь, Чарли, мы как-то завтракали за полгода до твоей смерти? Было это здесь, в Париже, ты приехал навестить меня и поддержать в трудную минуту. Люди всё ещё отходили от тех жутких событий. Я помню

твою неудачную шутку в день приезда. Я услышала стук в дверь и спросила: «Кто там?». На что ты ответил: «Je suis Charlie»¹⁰. Эта фраза стала нашим тайным паролем, хоть я и не особо любила её, из-за коннотаций и всё такое. А сейчас, сейчас я готова кричать её на весь белый свет. Кричать и рвать на себе волосы, кричать, как кричала Кэтрин в «Грозовом перевале»¹¹. Помнишь, что обезумевшая от любви бедолага говорила? Я и есть Хитклифф. Точно так же скажу и я: я и есть Чарли. И пусть весь мир повторяет за мной эти сладкие слова.

Сегодня я вдруг вспомнила о тебе. Не подумай, я вспоминаю о тебе каждый день, но сегодня яркость реминисценций вскружила мне голову. Твоё лицо было совсем рядом, я ощутила твоё дыхание на своей щеке. Мне хотелось убежать куда подальше и удариться в слёзы. И я бы убежала, если бы не тот тип. Жалкое существо, по сути. Избалованное, горделивое и толстокожее. А я ещё питала иллюзии на счёт шейхов. Статус как-никак. Представь, он предложил мне работу. Если б не нужда в деньгах, отказалась бы. От одного его вида мне становится не по себе. Он похож на того ублюдка-смертника. Как бишь его? Ибн или бин? Один чёрт. Собственно, они все на одно лицо, и души у них, готова по-

---

¹⁰ Намёк на террористический акт в редакции французского журнала «Charlie Hebdo» («Еженедельник Чарли»), который случился 7 января 2015 года.

¹¹ Роман английской писательницы Эмили Бронте. Кэтрин и Хитклифф – главные персонажи, находящиеся в любовных связях друг с другом.

спорить, тоже на одно лицо.

Что-то я растеклась по дереву. Села не на ту электричку мысли. Возвращаюсь к началу. Итак, спрошу ещё раз: помнишь ли ты то утро? Мы сидели у меня на балконе: кофе, круасаны, весеннее солнце. Не стану говорить за тебя, но меня в тот день грело сразу два солнца: одно вверху, другое напротив. Стояла волшебная погода. Лёгкий ветер перебирал струны волос. По улице тянулось шумное шествие: пестрели радужные флаги, музыка била по ушам, дородные мужчины танцевали в розовых стрингах. Ты раздражённо закурил, бормоча что-то под нос, а я... Я смеялась. Люблю гей-парады. Они поднимают настроение. Фонтанирующая радость, экспрессия сердец... А затем наступила тишина. По небу едва заметно плыли летающие тарелки облаков. Под балконом ворковали голуби. Я высыпала им крошки от круасанов. И тогда ты вдруг спросил меня: «Если бы тебе сказали, что ты можешь сделать последний снимок в своей жизни, чтобы ты сфотографировала?» Вопрос застал меня врасплох. Я растерялась, мысли зароились в голове. Минута, вторая... но я так и не смогла дать ответ. «Да ладно, это я так...» – и ты затушил сигарету в стоящей на столике пепельнице. Но, знаешь, с тех пор твой вопрос не давал мне покоя. Я долго ломала голову, вплоть до сегодняшнего дня. И вот, наконец, я знаю ответ: тебя.

2

Года два назад свет увидела очередная книга известного немецкого писателя Альдхельма Дюрра, на обложке которой красовалась фотография Анны – норвежский пейзаж с одиноким женским силуэтом у края скалы —, сделанная ею по просьбе самого автора, за что он отдал немалые деньги. Роман, повествующий о юной француженке, отправившейся на север Европы, чтобы исполнить последнюю волю своей матери – развеять её прах среди безмолвья фьордов —, стал бестселлером. Интернет кишел рекламой. На каждом шагу – в витринах, в руках читающих пассажиров подземки, на столиках литературных кафе – взгляд невольно натывался на матовую обложку с мрачной панорамой безлюдных гор и элегичным заглавием – «Nordgedanken» («Мысли о севере»). Анна понимала, что люди покупали книгу не ради красивой обложки, а ради содержания, и всё же она испытывала упоительное чувство гордости.

Разумеется, чтобы сделать фотографию, Анне вовсе не нужно было ехать на отдалённый северный остров с вуаристическим названием¹², куда отправилась главная героиня романа. Она ограничилась континентальной частью Дании, хотя, по большому счёту, могла с таким же успехом исполь-

---

¹² Имеется в виду остров Воар.

зовать в качестве фона скалистые пейзажи итальянской Ривьеры, заменив южную цветовую гамму на холодную северную. Впрочем, Анна не разочаровалась в проделанном вояже, ибо Дания одарила её портами с пряничными домиками, одноликими замками с банальным полтергейстом и кисейно-зябкой природой гор. В знак признательности за сотрудничество Альдхельм Дюрр прислал Анне подписанный экземпляр своей книги.

Само произведение не оставило в Анне глубокого следа (к современной литературе она относилась крайне скептически). Скорее всего, мысль о нём и вовсе бы потерялась в беспрестанной суете будней, если бы не случай. Попивая утренний кофе перед экраном ноутбука, – вчерашняя выставка всё ещё эхом отдавалась в голове – Анна наткнулась на небольшую заметку в ленте новостей: стартуют съемки фильма по мотивам последнего романа Альдхельма Дюрра. Уже известен актёрский состав. Голубоватый свет от экрана равномерно освещал напряжённое лицо Анны. В комнате царил полумрак. Лучи солнца, проникая в гардинный зазор, мягко подсвечивали стоящую на туалетном столике икебану.

Несколько минут Анна сидела неподвижно. Затем, оставив свой кофе, будто в трансе направилась к письменному столу и принялась поочерёдно выдвигать ящики, забитые документами, портфолио и ненужными брошюрами. На дне одного из них она нашла её – маленькую книжицу со столь милой сердцу обложкой. История, занимающая около двух-

сот страниц и давным-давно изгладившаяся из памяти, вдруг отчётливо вырисовалась перед взором Анны. Полная странностей поездка столичной инженеру Энн в далёкий край для выполнения пугающей миссии; не менее странная биография намеренно погибшей матери, именитой оперной певицы, сомнительные подробности которой исподволь всплывают на поверхность и врываются в мир дочери; случайные (случайные?) встречи последней с эксцентричными знаковыми покойной дивы – театрами, игроками, космополитами и второсортными любовниками. Постепенно девушка видит, что блистательная жизнь её матери, ставшей горсткой пепла в голубоватой бронзовой урне, продолжается. Образ певицы, теплящийся в сердцах близких, поклонников и врагов, обретает самостоятельное бытие. Возвращаясь домой во Францию, дочь узнаёт, что на днях в Бельгии якобы состоялся прощальный концерт оперной звезды, признавшей-ся, что слухи о её гибели – очередная газетная утка.

Анна ещё раз провела рукой по гладкой холодной обложке. Незаметно вереницы ассоциаций привели её от мыслей о героях книги к мыслям о собственной жизни. Анне вспомнилась её мама, их совместные путешествия по югу Франции вместе с бойкой тётёй Окутурье, короткие остановки в Провансе, Тулоне, Монпелье, Каркасоне. Она была тогда маленькой ангелоподобной девочкой в коротком джинсовом платьице, и мама то и дело заставляла позировать её перед камерой (дай-ка я тебя «щёлкну»). Анне нравилось строить

из себя супермодель, копируя красавиц из маминых каталогов. Она прикладывала к губам смоченные слюней лепестки роз, делая вид, что это помада. Но ещё большее удовольствие ей доставляло рассматривание отснятых фрагментов жизни, которые бережно хранились в винтажном семейном альбоме. Эта домашняя пинакотека волшебных мелочей, так часто встречаемых на любительских снимках, осталась в памяти Анны навсегда: случайные пейзажи, пикники на природе, прохожие в парке, праздничный пирог со свечами, рождественская ёлка, соседский рыжебородый кот, старый фонтан, школьный утренник и, конечно же, мама. Мама под сенью цветущей сирени, мама в модном коктейльном платье, мама в позе мадам Рекамье¹³ на бледно-розовой кушетке. Фотографии разных лет, фотографии разных мест. Отдельной серией шли снимки, сделанные в тот день, когда они поехали к Мон-Сен-Мишель (как в том фильме¹⁴). Сыпал мелкий снег. Посреди бесцветного залива особняком стоял остров. Они поднимались к аббатству и фотографировали друг друга на фоне невесомой безбрежной серости. Мама рассказывала про архангела Михаила (вон, видишь, на самом пике? Давай щёлкнем!). Небо, воздух, вода – всё части целого. Пар изо рта, не продержавшись и секунды, растворялся в этой сизой зимней идентичности. Было холодно и в тоже время

---

¹³ Жюли Рекамье – знаменитая красавица, хозяйка парижского литературно-политического салона.

¹⁴ Фильм «К чуду» Теренса Малика.

по-весеннему тепло.

Анне шёл тринадцатый год, когда несчастный случай на лестнице забрал жизнь её единственного родителя. Виной тому стали крутая мраморная лестница в вестибюле театра и слишком высокие каблуки. Всё случилось настолько стремительно, что само пространство не знало, как отреагировать на трагедию: расписные пышные стены переменились в лице, отражения в зеркалах замерли, нарядные дамы в холле с ужасом уставились на распостёртое женское тело. Из уха текла тонкая струйка крови. Разорвавшиеся во время падения бусы катились искристыми градинками по ступеням. Вдалеке гремел концерт Дебюсси. С того момента красочный мир детства подошёл для Анны к концу. Её отдали под опеку сестры матери, состоятельной мадам Окутюрье. Фотографии покойной мамы стали единственным утешением сиротки. Она целовала их, прижимала к груди, вела с ними беседы, молила небо исчезнуть и появиться на глянцевой поверхности. Собственно, в тот момент Анна и решила стать фотографом – из жажды зафиксировать исчезающие в небытие фрагменты жизни.

Погасло величайшее меццо-сопрано Европы: около полуночи оперная певица Ида Дубельт погибла в автокатастрофе на подъезде к Парижу. Так начинался нашумевший роман. Интересно, каким будет начало фильма? Ночное шоссе, Ида смотрит в окно автомобиля, где колышется розово-белое облачко её отражения, она что-то говорит шофёру, тот

смеётся, она поправляет переливчатую шаль. А затем сцена с падающим по обрывистому ночному оврагу автомобилем (конечно же под прекрасную арию в исполнении всемирно известной дивы: «Пам-па, пам-па, пам-па... Он явя-я-я-ется за мно-о-о-й»). А можно иначе, пуская в ход метафоричность: грозные фьорды, разъярённые волны, в вышине – негреющее солнце, которое вдруг оказывается прожектором, и вот в темноте виден зал, публика застыла в ожидании, губы певицы крупным планом и... Анна с силой захлопнула книгу и бросила её обратно в стол.

...И вообще, что за идея? Эта книга едва ли поддаётся экранизации. Как быть с цветником метафор, с целым дендрарием эпитетов и сравнений, с неограниченностью неощутимых интерпретаций? *Внезапная вспышка гнева нарушила дресс-код её эмоций.* Или вот: *Деревья на ветру размахивали дирижёрскими палочками ветвей.* Подобные стилистические находки Анна всегда подчёркивала остро заточенным карандашом. Именно на них и держался весь каркас неудобоваримого романа, признанного, однако, образцом современного словесного искусства. Каждый абзац в нём, по мнению экспертов, – чародейство, перл создания. Взять даже самое малое – эротические сцены. Ведь это гениальная идея применять для их описания балетные термины. Представим: кровать будет сценой, любовники – танцорами, сердцебиение – музыкой. Заглянем в либретто: он дарит ей цветы в гардеробной, нежности на безлюдном портике, они катаются

по ночному городу, ужин в ресторане, он провожает её сначала до дверей квартиры, а, подумав, – до кровати. А тут и начало первого акта: *entrée*¹⁵, *en dedans*¹⁶, *en dehors*¹⁷. Амплитуда растёт, подъём, спуск, подъём, танцовщица замирает в воздухе, шпагат, скачок с запрокидыванием корпуса, работающая нога плавно взлетает к потолку. «Браво!» громко шепчет осенняя листва за окном. Главное, по словам писателя, – не поддаваться соблазну и не заменить такие мелодичные слова, как «менуэт», менее цензурными.

А чего стоят пассажи, в которых автор повествует о выходе в свет концертного альбома Иды Дубельт с записями её легендарных выступлений. Каждая композиция описывается с невиданной щепетильностью. Это – лучшая попытка передать музыку словами за всю историю мировой литературы. Первый саундтрек – ария под названием «Европа¹⁸» – и первый звездопад изысков. В голосе исполнительницы чувствуется зной тропиков. Ей больно и страшно расставаться с родными пенатами. Куда уносит её златорогий бык? Боги, услышите стенания девы, услышите! Тягучие рулады дрожат, словно раскалённый воздух на горизонте. Ах, разыграло

---

¹⁵ вход (фр.).

¹⁶ внутрь (фр.).

¹⁷ наружу (фр.).

¹⁸ Так в древнегреческой мифологии звали дочь финикийского царя, которую похитил Зевс в облике белого быка.

ретивое¹⁹, взыграло. Так поёт томная, шафрановая Тоскана, так поёт вещее сердце арфы, так поёт солнечное сплетение солнца. Звуки фортепьяно, просачивающиеся сквозь густое меццо-сопрано, колеблются подобно траве на ветру. Слова песни тают в обжигающих диапазонах её голоса, смысл их отходит на задний план, расщепляется под напором колоратуры. Остаётся лишь звук, совершенный, неугасимый звук... И так композиция за композицией: оратории, оперетты, ариетты. Автор смакует каждое слово, каждую букву, каждую запятую и доводит читателя своей головоломной, густолиственной прозой до текстуального опьянения.

При всём при этом книга не лишена головокружительной динамики. Динамический аспект представлен жизнью Иды Дубельт, в которой пытается разобраться её любопытная дочь. Немаловажную роль играют записки, найденные последней в парижских апартаментах матери, – фрагментарные мемуары, прерванные внезапной кончиной мемуаристки. В дневнике были собраны бесчисленные любовные интрижки певицы, изложенные ею с блестящей иронией и неподражаемым накалом чувств, – забавная компиляция романтических вечеров, бурных ночей в пентхаузах, горьких разлук и слёзных нескончаемых походов к венерологам. Бедолага подхватывала все заразы, какие только известны медицине. Ламентации тянулись страницами и содержали тошнотворные подробности о всевозможных экземах, гриб-

---

¹⁹ В народной поэзии так называют сердце.

ках, волдырях, шишках, везикулах и кондиломах, описанные чуть ли не с любовным трепетом. Особенно её донимала одна непреходящая интимная язвочка, дающая о себе знать при ходьбе. Зачастую приступы чесотки наступали прямо на сцене, в середине выступления. Это был ад. Ида до боли сжимала руки в кулак, напрягала полные бёдра, становилась на носки, в нетерпении переступала с ноги на ногу и прикладывала нечеловеческие усилия, чтобы её голос не задрожал. Зрители принимали выступавшие на глазах певицы слёзы за глубокое проникновение в сюжет оперы, за полёт души исполнительницы, переизбыток чувств, не подозревая, что причиной этих слёз являлись вещи куда прозаичнее. После таких горе-выступлений Ида пулей бежала в уборную – пудрить носик.

В перерывах между концертами она устраивала местные ванночки с травяными настоями, горстями глотала антибиотики и бегала по аптекам в поисках волшебных мазей. Свирепые боли внизу живота не давали спать. Сидя на краю кровати с балдахинном, морщась от блуждающих болей, Ида слушала ночные пения мартовских котов за окном. Подолгу она с грустью изучала в зеркале свои воспалённые жерла, будто полагая, что от бесконечного смотрения всё как рукой снимет, но облегчения не наблюдалось. Каждый поход в туалет превращался в экзекуцию. Доктора, вздыхая, советовали изменить образ жизни, подумать о воздержании, но это ей было не под силу. Каждый раз, когда удавалось выкорчевать омер-

зительную, на редкость живучую инфекцию, как очередной молодчик (Хуан или Педро) дарил ей в комплекте с незабываемой ночью новую, ещё более гадкую.

Автор скандального романа не раз обвинялся в «оскорблении читательской аудитории и пощёчине морали», в излишнем натурализме, но количество проданных книг росло и росло, так что критикам пришлось сменить гнев на милость. Ведь что ни говори, а с точки зрения стилистики роману не было равных. Что же сделало его столь популярным? Анна сделала глубокий вдох, поправила забранные в хвост волосы и медленно выдохнула. Безжалостность обличения, шок, интрига и в то же время непревзойдённая эстетика, таинственность, романтика, глубина. Вот, что жаждет публика. Вот, чего не хватает в фотографиях Анны. Всё созданное ею прежде – лишь невнятная прелюдия к...

К чему? Девушка разводила руками. Перед ней была пустота, вакуум, чистый лист. Вчерашняя выставка лишьполнила список успешных промахов. Работы, представленные на ней, являлись экспериментальным переплетением нескольких художественных течений: минимализма, абстракционизма, ломографии. В числе прочего, наличествовали фотографии иронично-комического характера: норвежский пейзаж с заснеженным взгорьем, на склоне которого валяется пустая баночка из-под солнцезащитного крема; кариес на зубе в форме сердца; татуировка с надписью

«Life goes on»²⁰ на шее девушки, стоящей возле гроба во время панихиды. Тем не менее, забавный кроссовер²¹ пришёлся по вкусу лишь немногим. Через пару дней Анна несомненно наткнётся на какую-нибудь статейку, в которой её назовут «мастером мыльного пузыря». Нужна новинка. Нужна интрига. Нужны частности, дикие, пробирающие до мозга костей частности. А ведь кого ни возьми – артиста, учёного, лифтёра, примерного семьянина —, личность состоит из неопишуемого множества деталей. Подбирая подходящие пазлы, можно воссоздать цельную картину. Если сделать каждый снимок частью биографии...

Анна задумчиво кусала нижнюю губу. Мысль о том, что наметившийся проект может увенчаться успехом, подняла дух. Анна понимала: сейчас или никогда. Она нашла в сумке визитную карточку шейха, взяла телефон и набрала заветную комбинацию цифр.

---

²⁰ «Жизнь продолжается» (англ.).

²¹ Смешение разных стилей (англ.).

3

Перелёт в Эмираты выдался изматывающим. Тщетные попытки Анны забыться сном, которые продолжались вплоть до самого утра, сменились такими же безуспешными попытками разгадывания sudoku. До смерти утомив себя этим занятием, Анна перевела взгляд на сидящую возле неё пожилую даму. Она умиротворённо листала небольшой альбом живописи и подолгу рассматривала каждую иллюстрацию. Втайне присоединившись к своей соседке, Анна могла насладиться акварелями, выполненными с невероятным мастерством. Нежные фиолетовые ирисы, просвечивающиеся лепестки лилий, восхитительные птичьи крылья, грустные глазки совёнка... С каждой новой страницей сердце Анны замирало. Потрясающее сходство. Сходство, встречаемое разве что на... фотографиях. Она усмехнулась. Воистину, эпоха Ренессанса подарила миру не только величайших живописцев и гравёров, скульпторов и архитекторов, учёных и философов, но и величайших фотографов. Ведь, по большому счёту, художник и фотограф – звенья одной эволюционной цепи.

В аэропорту Анну радушно встретил сам Джази-аль-Халиль в сопровождении своего круглощёкого младшего брата Ильхама, который, однако, вскоре откланялся. При виде

обличённого в белую кандуру²² шейха Анна впервые отчётливо ощутила, насколько противен ей этот человек, его надменный взгляд, лоснящиеся губы, торопливые жесты, резкий душачий запах парфюм. Под палящими лучами утреннего солнца они направились к ожидавшей возле аэропорта машине.

Аль-Халиль поинтересовался, как прошёл перелёт (спасибо, на высоте!), и помог Анне донести до машины её сумки. Она делала вид, что внимательно слушает его экзальтированную речь, попеременно кивая и прыская со смеху. Тёмные очки в пол-лица надёжно защищали Анну от его безотрывного пронзительного взгляда. Жара обвила её кольцами, словно питон.

– Будьте уверены, вам создадут идеальные условия для работы. Ну вот, мы на месте.

Шофёр уложил чемоданы в багажник, и уже через миг чёрное «Порше» на всех парах приближалось к мерцающему Дубаю. Фантасмагорический город небоскрёбов, в вечной эрекции застывший посреди аравийских песков, разбудил в Анне то редкое чувство, которое она испытывала, сидя в первых рядах на парижских показах мод или проходя мимо элегантно оформленных магазинных витрин, рекламирующих новую туалетную воду во флаконах редчайшей красоты. Щекочущее чувство аристократичности, эксклюзивности, люкса, зарождающееся в области живота и электриче-

---

²² Традиционная мужская одежда в Эмиратах, длинное платье белого цвета.

ским разрядом пробегающее по всему телу. Девушка взяла всегда весящий на шее фотоаппарат с объективом, похожим на подозрную трубу, и, опустив окошко авто, сделала несколько кадров миражирующих в знойном воздухе зданий. Ненароком она заметила физиономию аль-Халиля, отразившуюся в зеркале заднего вида, и поняла, что и он, в свою очередь, смотрит на отражение Анны, доступное ему с переднего места.

– Вы уже приступили? Щёлкните и меня.

Анна щёлкнула.

Вилла шейха располагалась вдали от суматошного центра, в тихом зелёном фешенебельном квартале, окрестности которого напоминали слащавую атмосферу голливудских холмов. Асфальт без единой трещинки, идеально подстриженные лужайки, посаженные в строгой симметрии пальмы, сверкающие капоты иномарок... Во всём царил дьявольская доскональность, так что Анну неотступно преследовало чувство, будто она очутилась на съёмочной площадке с дорогими декорациями. Солнце и то казалось реквизитом.

Дом, к которому подкатила машина, отличался от других коттеджей квартала разве что своими размерами. В остальном же он в большей или меньшей степени повторял соседние особняки: это было двухэтажное здание из светлого камня в классическом средиземноморском стиле, с множеством окон, арок, колонн, балконов и террасок. Сзади покачивались финиковые пальмы и эвкалипты.

– Ну-с, добро пожаловать, – сказал аль-Халиль и открыл двери авто.

Пока шофёр возился с чемоданами гостя, шейх повёл Анну к парадному входу по вымощенной гравием дорожке, которая пересекала ярко-зелёный газон на две равновеликие плоскости, похожие на бильярдные столы.

– Вы уже думали, в каком стиле будут фотографии? – спросил аль-Халиль, когда они вошли в солнечный коридор, соединяющий два крыла дома.

– Я предлагаю...

– Ах, а вот и Хасиба, – воскликнул шейх и распахнул двухстворчатую стеклянную дверь, ведущую в небольшое патио с играющим в центре фонтаном и четырьмя раскидистыми пальмами.

В дверном пролёте, вынырнув из залитого солнцем двора, появилась молодая, со вкусом одетая женщина армянской наружности. Она встретила своего любимого быстрым поцелуем. Её длинная пляжная туника тёмного цвета развевалась при каждом движении. На шее дребезжало ожерелье.

– Знакомься, дорогая. Анна Шенкевич.

Аль-Халиль подвёл жену к гостю.

– Вот так сюрприз! Мой муж столько рассказывал о вашем исключительном таланте.

– Это большая честь для меня.

– Можете звать меня Хасиба. Рада встречи, – и она протянула Анне свою загорелую руку.

– Взаимно.

Состоялась встреча королевы и нищенки – смуглой руки Хасибы, увешанной сверкающими браслетами и перстнями, и голой, малокровной руки Анны с проступающими извивами вен.

– А где же Эви? – спросил шейх, усевшись в плетённое кресло у окна.

– Я позову её, – ответила Хасиба и мигом убежала.

– Эви – ваша вторая жена? – осведомилась Анна.

Аль-Халиль кивнул.

– Вы с ней подружитесь. Она ведь тоже из Европы.

И когда в комнату впорхнула стройная девушка в стильном круизном платье и, смеясь, артистично бросилась мужу на шею, Анна испытала *déjà vu*. Когда-то она уже видела эту сцену, в одном фильме, где Эви исполняла роль коварной сердцеедки. Ведь ещё недавно эта юная особа была известна миру как Эви Додсон – блестящая актриса, медиа-леди, юные годы которой прошли на бесчисленных кастингах и конкурсах. Решив примерять на себе роль хранительницы очага, Эви Додсон покинула пьянящий мир киноиндустрии и начала жизнь Эви аль-Халиль, любвеобильной матери и умницы-жены (так, по крайней мере, писали в газетах). Всё в этой особе было проникнуто фальшью, на что Анна обратила внимание уже с первой минуты их знакомства. Ей никогда не доводилось видеть столь причудливое смешение жеманства, кокетства, поддельной экстравертности и наносной

меланхоличности. Это был человек-хамелеон, чьё настроение и манеры приобретали новые оттенки по сто раз на день.

Было решено устроить вечером праздничный ужин, за которым они познакомятся поближе и заодно обсудят дальнейшие планы. А пока Анне было предложено разместиться в отведённой ей комнате, прийти в себя после перелёта и при желании осмотреть виллу. Гостьей занялась Хасиба: аль-Халиль, как обычно, уехал по делам, а Эви старалась не отходить от своих малышей – мальчиков-близняшек, которыми она два года назад одарила супруга, поставив на детях жирную точку. Хасиба провела Анну в её комнату, полностью выдержанную в бледно-розовых тонах и напоминающую новомодный будуарчик: обилие зеркал, пуфов, душистых саше и мини-столиков. Особо выразительно выглядела висящая над диваном-кроватью картина в белой раме – полевой заяц с наострѐнным ухом. Зверѐк был изображѐн столь натуралистично, что, казалось, вот-вот выпрыгнет наружу и поскачет по комнате. Анна тут же сфотографировала чудо. Впрочем, это была не единственная понравившаяся ей картина. Во время небольшой экскурсии по дому, организованную заботливой Хасибой, она почасту натыкалась на филигранные полотна. Большая их часть находилась на втором этаже. Имелась даже небольшая кунсткамера, где хранилась коллекция причудливейших экспонатов: от чучел и ракушек до расписных кальпид²³

---

²³ Кальпида – древнегреческий кувшин для воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.